

УДК 93/94(930.85)

doi 10.17072/2219-3111-2024-3-72-84

Ссылка для цитирования: *Хаминов Д. В.* Иерархия университетов внутренней периферии в позднесоветский период: на примере азиатской части РСФСР // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3(66). С. 72–84.

ИЕРАРХИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРИФЕРИИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: НА ПРИМЕРЕ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РСФСР¹

Д. В. Хаминов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36;

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 40

Khaminov@mail.ru

SPIN-код: 5436-1090

На выстраивание иерархии внутри советской университетской системы влияло множество факторов, особенно в позднесоветский период (в 1950–1980-е гг.), на этапе завершающего витка советской модернизации в экономике, общественном устройстве, культуре: многоукладность советской экономики, неравномерность социально-экономического развития регионов (как следствие – формирование специфических экономических районов и внутренней периферии), сложная структура административно-территориального устройства в силу огромных и разнопорядковых территорий (союзное государство, которое имело в своем составе другую сложную структуру – РСФСР), колониальный характер освоения и развития азиатской периферии и многое др. В этой связи видится репрезентативным рассмотрение на примере конкретного и уникального в своем роде макрорегиона – азиатской части РСФСР (включающего в себя субрегионы Зауралья, Сибири и Дальнего Востока) – процессы выстраивания такой неоднородной университетской системы и проанализировать особенности иерархии университетов на внутренней периферии советской университетской системы. Это позволит понять, каким образом планировались, организовывались и осуществлялись исследования, готовились научные кадры в университетах внутренней периферии, с акцентом на агентность различных акторов, их взаимодействия и взаимовлияния. Это даст понимание в вопросе о том, как выстраивалась научно-коммуникационная система старых (ведущих) и новых университетов, какие были разрывы и в чем была преемственность в этой иерархической системе. По результатам исследования удалось выявить трехуровневую иерархию советских университетов, а также определить структуру внутренней университетской периферии азиатской части страны в позднесоветский период, проанализировать систему выстраивания взаимоотношений между университетами, выявить в этой модели положительные и отрицательные факторы, влияющие на развитие научно-организационных связей между ними.

Ключевые слова: университет, центр-периферийные отношения, внутренняя периферия, научная коммуникация, азиатская часть РСФСР, Зауралье, Сибирь, Дальний Восток.

Центр-периферийные отношения и процессы модернизации

Генезис советской университетской системы, а особенно период университетизации (резкое увеличение сети университетов) позднесоветской высшей школы, концептуализируется в исследовательской литературе теорией модернизации [Аузан, 2007; Тихонова, 2011; Обзорный доклад..., 2011; Суздалева, 2011; Суздалева, Федоров, 2013].

Исчерпание мобилизационных резервов прежней сталинской модели советской модернизации приостановило темпы культурной колонизации азиатской части РСФСР. Последний этап советской модернизации, достигший своего предела к концу 1960-х гг. за счет исчерпания импульсов, заложенных в предыдущий период, стал новым витком в процессе выстраивания университетской системы, особенно для периферийных регионов страны. Соответственно, вовле-

ченность пространств и ресурсов Зауралья, Сибири и Дальнего Востока в модернизационные процессы обрела свои предельные контуры примерно в это же время.

Усилить эвристический потенциал теории модернизации, сгладить прямые углы ее европоцентричных положений способна концепция центр-периферийных отношений, которая позволяет, с одной стороны, более наглядно показать логику и механизмы трансплантации различного рода современных институций в странах, не относящихся к ядру европейской цивилизационной ойкумены (к которым, безусловно, относился СССР), с другой же – детально продемонстрировать структурную и смысловую трансформацию их внутреннего периферийного пространства на региональном уровне.

Теория модернизации уже успела стать общим местом в секуляризованном постсоветском историографическом дискурсе, но, к сожалению, пока что зачастую по-прежнему привлекается все в том же монистически безальтернативном ключе. Рациональное зерно этой позитивистской теории способно прорасти лишь в условиях принятия возможности многовариантной реализации модерности, способствовать созданию которых будет общий контекст смежных исследовательских оптик. Расширить сферу применения и углубить уровень социально-исторического проникновения категории «модернити» вполне способна концепция центр-периферийных отношений, помогающая обозначить внешние контуры и особенности того или иного варианта преодоления традиции и параметры орбиты социальной динамики относительно первоначального культурного ядра. Внутреннее же содержание современных практик, зачастую остающееся без должного внимания в силу вульгарного понимания процессов модернизации, позволит рассмотреть их в макро- и региональном масштабе, что, во-первых, обеспечит необходимую согласованность с рамками центр-периферийных отношений, во-вторых, наглядно продемонстрирует общее и особенное конкретного варианта модерности во всем его внутреннем многообразии.

Центр-периферийные отношения с точки зрения теоретического обоснования уже подробно рассматривались в современной историографии, прежде всего в аспекте организации науки и взаимоотношений научных учреждений в советский период в системе Академии наук СССР [Водичев, Узбекова, 2008; Узбекова, 2009; Узбекова, 2017].

Концепция центр-периферийных отношений существенно дополняет и расширяет положения теории модернизации и в плане анализа советской государственной политики в сфере науки, в частности для освещения проблем регионализации университетской науки.

В этом отношении можно обозначить следующие структурные уровни системы центр-периферийных отношений внутри самого азиатского научного пространства:

1. Центры азиатской периферии: безусловный лидер – Новосибирск, а далее более-менее равнозначные центры (по хронологии формирования) – Томск, Иркутск, Свердловск и Владивосток. В них была выстроена собственная тесная научно-организационная коммуникация с отраслевыми вузами и институтами системы АН СССР. Определим эти центры как периферию первого порядка.

2. Города с молодыми университетами. Это были относительно недавно (на протяжении 1950–1970-х гг.) открытые в крупных административных центрах университеты (по хронологии открытия) – в Якутске, Красноярске, Тюмени, Барнауле, Кемерове и Омске. Назовем их периферией второго порядка.

3. Города (административные центры субъектов РСФСР и иные значимые в экономическом отношении города этих регионов), не подвергшиеся процессу университетизации, – периферия третьего порядка (не входят в предмет данного исследования).

Центр понимается как средоточие национальной науки и образовательного потенциала в данный исторический период, или в данной научной дисциплине, или в сети научно-исследовательских или образовательных учреждений, ориентированное на создание высококачественного научно-образовательного продукта по наиболее актуальным направлениям и обладающее способностью к распространению вовне своих моделей организации. Периферия же, в свою очередь, представлена региональными комплексами научных и образовательных учреждений, которые в результате недостаточного уровня своего развития настроены на восприятие

новшеств, но не способны формировать и транслировать их самостоятельно. При этом периферия вовсе не обязательно является худшим, менее интересным или вторичным по отношению к центру местом научной или образовательной деятельности. Ярким примером тому могут являться научно-исследовательские институты системы Сибирского отделения АН СССР или же всесоюзно известный Сибирский физико-технический институт при Томском университете (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 32. Л. 30–32) – первенец академической науки азиатского региона, берущий свое начало с 1920-х гг. Знание, полученное на периферии, может быть вторичным по отношению к «центральной» науке, но это не мешает ему стать первичным фактором при удовлетворении местных социально-экономических потребностей (в рамках чего складывается т.н. внутренняя периферия, т.е. периферийное знание в отношении центра самой периферии).

Основанием центр-периферийных отношений в масштабах национальной науки служит сеть взаимовлияний между региональными научно-педагогическими сообществами (вузовскими и академическими). Анализ этих сетей проводится с использованием критерия центральности сообщества, который определяется степенью его влияния на все остальные сообщества в целом и приводит к их вертикальной стратификации по этому критерию.

Исключительность географической специфики азиатской части РСФСР, его трансграничный и кросскультурный характер обуславливают целесообразность вспомогательного привлечения к теории модернизации не только концепции центр-периферийных отношений, но также и концепта т.н. внутренней колонизации, дающего широкую ретроспективную панораму выстраивания центром структурных уровней внутренней периферии, раскрывая тем самым социокультурное содержание политико-административных практик по освоению периферии собственной страны.

Университетизация и оформление внутренней периферии

Система советской внутренней университетской периферии получила свое развитие уже в послевоенные десятилетия – на протяжении 1950–1980-х гг.

Решениями XX съезда КПСС особая роль в социально-экономическом развитии СССР отводилась восточным районам страны. Одним из приоритетных направлений в этой связи было развитие их научно-образовательного потенциала. Поэтому стало возможным создание в 1956 г. академического научного центра на Востоке СССР – Сибирского отделения (СО) АН СССР в Новосибирске, а также открытие в 1958 г. Новосибирского государственного университета (НГУ), имевшего самую тесную аффилиацию с академическими институтами и призванного работать в тесном сотрудничестве с учеными СО АН СССР: совместная подготовка высококвалифицированных ученых, интеграция научно-образовательных процессов при подготовке специалистов, совместные направления научных исследований и т.п. (Об организации Новосибирского государственного университета, 1958).

Следующий этап на пути модернизационных процессов в научно-образовательной сфере в послевоенный период был обусловлен расширением сети университетов. Открытию новых университетов на территории периферийных регионов РСФСР и других союзных республик в 1950–1960-е гг. способствовал ряд факторов – как общегосударственных, так и региональных. Например, национальная политика советского государства – через интеграцию национальной интеллигенции в общую советскую элиту (в единое пространство советской научно-педагогической интеллигенции) внедрялись идеологические установки для общественно-политического развития этих регионов и самих наций. Благодаря этому, например, стало возможным создать в 1956 г. в Якутской АССР, одном из крупнейших национальных субъектов азиатской части РСФСР, собственный университет (единственный университет национального субъекта в азиатской части РСФСР) на базе Якутского пединститута. Открытие его было тесно связано с промышленным освоением Якутии и открытием алмазоносных месторождений.

С появлением на Востоке страны НГУ – университета нового типа, по мере расширения научно-образовательных и организационных позиций Томского, Иркутского, а со временем и вновь открытого Дальневосточного университетов, а также укрепления позиций большинства региональных институтов начала формироваться новая модель взаимоотношений между регио-

нальными вузами и выстраиваться внутренняя иерархия научно-организационной коммуникации. До этого устойчивой коммуникации между университетами и систематических связей, а уж тем более выстроенной иерархии отношений не было. Вся организационно-коммуникационная составляющая научной деятельности носила если не случайный, то инициативный и фрагментарный характер и строилась на личных связях ученых и руководства университетами.

Конкуренция и поиск своего места

Прежде всего существенно меняются роль и место университетов в системе научно-образовательного комплекса азиатской части РСФСР. Теперь они начинают приобретать все больше координирующую функцию в образовательном, научном, методическом, организационном и иных процессах. Вместе с тем старые университеты азиатской периферии (прежде всего Томский и Иркутский) утрачивают свою монополию на подготовку высококвалифицированных научных кадров и научные исследования. Они разделяют ее с Новосибирским университетом, академическими институтами СО АН СССР и набиравшим научный потенциал Дальневосточным университетом. Якутский университет в силу своей географической и транспортной отдаленности, а также его «национальной» функции оставался последующие десятилетия как бы в обособленном положении с точки зрения коммуникации с другими университетами азиатской части РСФСР.

В новых реалиях старые университеты вынуждены были искать свое место в этой системе. Особенно это касалось ТГУ, занимавшего до появления ИГУ исключительное положение не только в Западной Сибири, но и фактически во всем азиатском макрорегионе. С открытием ИГУ оно стало изменяться. Так, профессор Томского университета И. М. Разгон на отчетно-выборном партийном собрании ТГУ уже в октябре 1958 г. отмечал: «Вблизи от нас в Новосибирске происходят сессии Академии наук, строятся новые научные городки. <...> Положение наше тяжелое, полная неизвестность. Кроме того, что мы должны нести моральную ответственность за работу сибирских вузов, – мы ничего не имеем. В Красноярске, Владивостоке, Иркутске строятся филиалы СО АН СССР [региональные научные центры СО АН СССР. – Д. Х.]. А в Томске, будет ли? Мы должны знать – какое место в науке должен занимать наш университет» (ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 24. Л. 19–20).

Одной из важнейших форм координации научной работы являлись научные конференции, совещания, создание тематических межвузовских советов, выпуск тематических научных сборников и т.п. Начиная с 1956 г., согласно Постановлению Совета Министров СССР «О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (О мерах улучшения..., 1957), распространение получили межвузовские конференции и совещания работников высших учебных заведений. Дальше – больше. В соответствии с приказом МВ и ССО РСФСР от 22 ноября 1961 г. были образованы Западно-Сибирский в Томске (при ТГУ) и Восточно-Сибирский в Иркутске (при ИГУ) советы по координации и планированию НИР по техническим и гуманитарным наукам. В конце 1960-х гг. оба совета были преобразованы в региональные научно-методические советы. Они занимались координацией научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений регионов, стремились направить усилия ученых на решение кардинальных проблем научно-технического прогресса. В состав советов входили экспертные комиссии, которые курировали работу вузов в различных областях естественных, технических и гуманитарных наук.

По замыслу центрального руководства, советы должны были объединить все высшие учебные заведения Сибири. Однако этого не случилось, так как ректоры вузов других министерств и ведомств (Минздрава, Минпроса, МПС, Минсельхоза, Центросоюза) работать во вновь образованных структурах просто не стали. С середины 1960-х гг. в них входили только институты и университеты, подчинявшиеся Минвузу РСФСР [Петрик, 2006а].

Важнейшим источником подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров как для системы высшего образования, так и отчасти для научных учреждений были аспирантура и диссертационные советы в азиатских университетах РСФСР. Наряду с эффективно работавшими аспирантурами и диссертационными советами ТГУ и ИГУ, с 1960-х гг. к

ним добавился еще и НГУ в купе с академическими институтами системы СО АН СССР (благодаря этому НГУ имел доступ к научным руководителям, материально-технической базе институтов и иным ресурсам). В 1960-е гг. при НГУ был организован объединенный ученый совет по защите диссертаций по историческому, филологическому и экономическому направлениям. Это был первый совет по защитах при НГУ. Совет состоял из обществоведов Новосибирска и Томска. До этого такие советы по другим наукам были основаны при Президиуме СО АН СССР. Правда, по свидетельству стоявшего у истоков НГУ Л. Ф. Лисса и непосредственного участника тех событий, «...томичи очень ревниво отнеслись к возникновению НГУ» [Лисс, 2013, с. 303–304], в частности представители социо-гуманитарного направления ТГУ, которые почувствовали конкуренцию своему до этого практически монопольному положению.

В ответ на открытие и расширение сети научно-исследовательских институтов системы СО АН СССР (как в самом Новосибирске, так и в других городах при создании региональных научных центров) университеты периферии начинают создавать собственные научно-исследовательские подразделения. Причем не только в форме проблемных лабораторий, но и целых научно-исследовательских институтов. Эта тенденция была связана в определенной степени с тем, что шла острая конкуренция между академической и вузовской наукой (причем эта тенденция была характерна для университетов в масштабах всей страны), а шире – между Академией наук СССР с одной стороны и МВ и ССО СССР и МВ и ССО РСФСР с другой.

В 1960-е гг. в СССР остро стоял вопрос: что развивать – академическую или вузовскую науку? Правительством был взят курс на развитие и поддержку именно академической науки, в то время как вузам оставили только образовательную функцию и подготовку специалистов. А наука в них сохранялась по остаточному принципу и за счет возможностей, которые предоставляли хоздоговорные работы. Силами регионов периферии, в свою очередь, шла борьба за выживание и развитие именно вузовской науки, не имевшей финансовой поддержки из центра. Новосибирский университет не участвовал в этих процессах в силу теснейшей коллаборации с СО АН СССР. Но Томск и Иркутск оказались центрами такой борьбы, и во многом ТГУ и ИГУ это удалось: наука здесь была не только сохранена, но и усилена, благодаря созданию крупных научно-исследовательских структур. В 1968 г. по постановлению Совета Министров РСФСР и приказу МВ и ССО РСФСР на базе ТГУ были созданы два крупных научно-исследовательских института: НИИ прикладной математики и механики (НИИ ПММ) и НИИ биологии и биофизики (НИИ ББ), продолжал действовать созданный еще с 1920-х гг. Сибирский физико-технический институт.

В 1960–1980-е гг. при ИГУ действовали три научно-исследовательских института, специализировавшихся на биолого-географических и физико-химических исследованиях. Среди них НИИ биологии – один из старейших вузовский НИИ Сибири, созданный по постановлению Наркомпроса РСФСР еще в 1923 г.; НИИ нефти и углехимического синтеза, переданный в университет из системы АН СССР постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР в 1963 г.; НИИ прикладной физики, организованный на основе постановления Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) 1969 г.

В 1960–1970-е гг. в университетах азиатской периферии продолжается формирование собственных, уникальных и, главное, относительно самостоятельных научных школ, что также впоследствии скажется на формировании внутренней научно-организационной периферии. Это позволяло в полной мере освободиться в содержательном отношении от науки «большого центра», не зависеть от нее и переключиться/включиться на внутренний научно-образовательный комплекс.

Одной из форм сотрудничества АН СССР и ее отделов и высших учебных заведений азиатской части РСФСР являлись совместные исследования. Ученые высшей школы привлекались к подготовке коллективных обобщающих монографий, которые создавались в академических учреждениях как естественно-научного, так и гуманитарного профиля [История Урала, 1963–1965; История Сибири..., 1968–1969; История рабочего класса Сибири, 1982–1986; История крестьянства Сибири, 1982–1991].

Масштабная университетизация высшей школы сыграла важную роль в выстраивании внутренней университетской периферии. Скачок в этом процессе произошел в конце 1960-х –

первой половине 1970-х гг. и занял на территории азиатской части РСФСР намного меньший период, чем этот процесс протекал в целом по стране в других макрорегионах. Благодаря университетизации, завершился процесс окончательного выстраивания внутренней университетской периферии и складывания отношений между университетами центра (условно старых университетов) и периферии (условно новых университетов) уже в самом азиатском макрорегионе. Связано это было с крупнейшей (а по факту единственной за всю историю высшей школы СССР) университетизацией высшей школы, т.е. с созданием за короткий отрезок времени разветвленной сети новых университетов.

За этот период в крупнейших и наиболее значимых центрах РСФСР и других союзных республик были открыты новые университеты. В это десятилетие было открыто более трети всех университетов, существовавших в СССР к середине 1970-х гг. Именно поэтому данный процесс и определяется термином «университетизация» высшей школы СССР.

В азиатском регионе было открыто пять новых университетов (либо заново учрежденных, либо, как это имело место в большинстве случаев, реорганизованных из имевшихся в регионе пединститутов и иных вузов и филиалов).

Этот процесс в азиатском макрорегионе (как и все остальные процессы) имел свои специфические черты, которые выразились в территориальной диспропорции университетизации. Дальний Восток (Дальневосточный экономический район) вообще не был затронут этим процессом, имея, по-прежнему, лишь Дальневосточный и Якутский университеты, открытые еще в середине 1950-х гг. В Восточной Сибири (Восточносибирский экономический район) при наличии старого Иркутского университета появился только один новый Красноярский университет. А вот в Западной Сибири (Западносибирский экономический район), к имевшимся уже сильнейшим Томскому и Новосибирскому университетам, за двухлетний период (с 1973 по 1974 г.) были открыты еще четыре новых университета. Надо отметить, что такая диспропорция по экономическим районам была характерна не только в отношении университетов, но и в отношении вузов регионов вообще. Например, на рубеже 1950–1960-х гг. из почти 60 вузов, работавших на территории Сибири, 2/3 работало на территории западносибирского региона, и только 1/3 – на территории Восточной Сибири [Петрик, 2006b, с. 80–81]. В дальнейшие годы сохранялась примерно такая же диспропорция.

Широкомасштабное открытие университетов именно в Западной Сибири связано с тем, что в Западносибирском экономическом районе в 1960-е гг., а особенно в 1970-е гг., регионы получили мощный импульс к развитию, благодаря усилению роли и значения добывающей и перерабатывающей промышленности, развитию новых производств. Это требовало подготовки квалифицированных кадров в системе высшего образования. Экономические процессы стимулировали и социальное развитие сибирских регионов, шел постоянный рост численности населения. Дальний Восток развивался намного медленнее, чем регионы Сибири, и поэтому университетизация здесь проходила медленно и трудно. Далек не каждый дальневосточный административно-территориальный субъект имел собственный пединститут, не говоря уже об академических научных учреждениях.

Шефская помощь новым университетам

В связи с этим еще более усилился процесс выстраивания внутренних центр-периферийных отношений. Даже можно наблюдать проявление некоторой борьбы за сферы влияния над новыми университетами. Наиболее характерно это отразилось на новом Тюменском университете в силу специфического трансграничного положения самого региона между Уральским и Западно-Сибирским экономическими районами и определения его институциональной и организационной принадлежности.

Согласно плану мероприятий по организации ТюмГУ, утвержденному ранее МВ и ССО РСФСР 7 сентября 1972 г., в качестве учреждений и подразделений, которым было поручено осуществлять шефскую помощь новому вузу, был определен Уральский университет (ГАТюмО. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 879. Л. 1–3), а позже было одобрено предложение Главным управлением университетов, экономических и юридических вузов МВ и ССО РСФСР о шеф-

стве над ТюмГУ, кроме Уральского, еще и Пермского университета, а ректорам было рекомендовано заключать договоры о помощи и сотрудничестве (Там же. Л. 9–10). Такая шефская ориентация объясняется тем, что сама Тюменская область и ее автономные округа вошли в свое время в Уральский экономический район (к которому относились Свердловская и Пермская области). При этом по многим позициям и давно устоявшимся научным связям еще со времен существования Тюменского пединститута и иных вузов региона сам университет тяготел в научном и кадровом отношении к старым университетам Сибири. Формально относящиеся к Уралу (к Уральскому экономическому району) и в организационном плане привязанные к нему (координационные советы, группы, зональные тематические и отраслевые совещания и т.п.), они не прекращали связи с Западной Сибирью. Это выражалось в сотрудничестве с учеными сибирских городов в научных мероприятиях и проектах (ГАТюмО. Ф. Р-2124. Оп. 1. Д. 389. Л. 22–23).

В новых университетах Сибири начинают работать выпускники и сотрудники старых сибирских университетов, формируя научно-педагогический состав. ТГУ и НГУ в рамках шефской помощи молодым университетам Западной Сибири помогали им усиливать их кадровый состав, причем не только молодыми специалистами, но и уже состоявшимися учеными. Так, только из ТГУ для работы в новых университетах уехало более десяти докторов наук, среди которых оказался и профессор А. П. Бородавкин. В 1973 г. он уехал в Алтайский государственный университет (АлтГУ), где был назначен проректором по учебной и научной работе. Будучи ключевым (а по факту долгое время и единственным) проректором АлтГУ, А. П. Бородавкин активно занялся решением кадровых проблем молодого университета. По его инициативе для работы на различных факультетах АлтГУ пригласили ряд ученых, выпускников ТГУ и других вузов Томска. При его активном содействии в АлтГУ была организована собственная аспирантура по нескольким научным специальностям.

Для пополнения преподавательского и научного состава специалистами высшей квалификации и для заполнения вакансий на вновь открываемых кафедрах во второй половине 1970-х гг. молодыми университетами использовалась целевая аспирантура ТГУ, НГУ, ИГУ, Свердловского и других близлежащих и центральных (Москва и Ленинград) университетов РСФСР (ИАОО. Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 1. Л. 33).

Одним из мотивов (если не ведущим) для сотрудников старых университетов переезжать на работу в новые вузы были карьерные устремления и профессиональные амбиции. В новых университетах было больше возможностей устроить свою научно-преподавательскую или административную карьерную траекторию, добиться больших результатов в научной деятельности, избавиться, наконец, от давления научных авторитетов своей старой школы, создать свое собственное научное направление. Конкурируют с этим мотивом и чисто бытовые и насущные проблемы – улучшение жилищных условий. В данной связи уместен мемуар непосредственного участника тех событий А. В. Минжуренко – выпускника исторического факультета и аспирантуры ТГУ, приехавшего в качестве молодого специалиста в Омский университет и в скором времени занявшего должность заведующего кафедрой. В этом же мемуаре прослеживается особая и решающая роль региональных властных элит в деле открытия университетов: «...в Москве не планировали открывать его здесь [университет в Омске. – Д. Х.] в годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.). Но в то время область возглавлял знаменитый первый секретарь обкома Сергей Иосифович Манякин, амбициозный и волевой руководитель, который в связи с приближением населения города к миллиону вознамерился сделать его университетским во что бы то ни стало. В Москве, уступая его настояниям, сказали: найдете помещение для университета, дадите жилье всем преподавателям – пожалуйста, открывайте <...>. Упрямый и энергичный глава области ответил утвердительно. Так и порешили. Зато мы, все приглашенные сюда преподаватели, действительно, сразу получили нормальные квартиры <...>. У нас в Томске маститые доценты мыкались без жилья много лет» (Минжуренко, 2020, с. 127).

Эти обстоятельства в достаточной степени подтверждаются и материалами протоколов заседаний ученых советов и партийных собраний молодых и старых университетов (ИАОО. Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 5. Л. 79; ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 518. Л. 27; Ф. 607. Оп. 1. Д. 4709. Л. 28–31; ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4570. Л. 4).

Кадровая политика новых университетов

В новых университетах были различные подходы к кадровой политике в принципах формирования научно-педагогических коллективов. В университеты, которые выстраивались с чистого листа (АлтГУ и ОмГУ), кадры приглашались сразу крупными коллективами и из одной научной отрасли. Университеты, которые переформатировались из пединституты, вынуждены были работать с прежним кадровым составом. Иллюстрацией этой кадровой стратегии может стать мемуар, связанный с Омским университетом: «Первый ректор ОмГУ Василий Васильевич Пластинин применил при формировании кадрового состава преподавателей нового вуза оригинальный принцип. Во-первых, он отказался приглашать столичных ученых: получают квартиры, обменивают их и уедут обратно. Решили звать в Омск только сибиряков. Во-вторых, постановили брать их целыми выводками, а не поодиночке. Скажем, надо укомплектовать матфак: а где у нас самые сильные в Сибири математики – ясно, в Новосибирске, вот целую партию молодых ученых-математиков и пригласили в Омск. <...> Сильные химики оказались в Иркутске, их тоже сюда заманили квартирами вместе с их маститым профессором – “отцом советского напалма”. И так далее» (Минжуренко, 2020, с. 127–128).

Подобная кадровая стратегия становилась удачной, хотя бы в том, что в новых университетах не оказывалось представителей разных, и тем более соперничающих, научных школ и направлений в каждой науке. Это позволяло избежать склок, внутрифакультетской и внутрикафедальной борьбы, характерных для других новых университетов, когда там собирались представители разных направлений (прежние и новые сотрудники – хоть и талантливые молодые ученые, но приверженцы и последователи разных и даже враждебных друг другу научных школ и направлений). Такие университеты очень долго сотрясала борьба, на которую уходило много сил и времени, в результате чего сильно затягивалось научное становление нового вуза.

МВ и ССО РСФСР в своем программном письме 1972 г. «О повышении роли университетов в системе высшей школы» возлагало на ряд ведущих университетов восточной периферии РСФСР (в том числе на Пермский, Уральский, Томский, Иркутский и Новосибирский) функции базовых, ответственных за координацию научно-методической и исследовательской работы в области актуальных проблем высшей школы конкретного региона. Поэтому, помимо сибирских университетов, шефская помощь оказывалась и университетами соседних макрорегионов. Показателен здесь уже приводившийся выше пример с ТюмГУ (ГАТюмО. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 879. Л. 1–5, 9–10).

Одной из важнейших составляющих во взаимодействии старых и новых университетов, реализовывавшаяся на систематическом уровне, стала шефская помощь ведущих университетов (ТГУ, ИГУ, НГУ УрГУ и др.) молодым вузам. Эта форма взаимодействия носила уже не ситуативный и субъективный характер (каковыми были все предыдущие формы), а являлась институциональным фактором. Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. НГУ как ведущий вуз Сибири заключил серию договоров об оказании шефской помощи и сотрудничестве между НГУ и новыми университетами. Причем эти договоры заключались не только с новыми университетами, но и с уже существовавшими. Среди плановых показателей для университетов, с которыми НГУ заключил договоры, значились такие пункты, как: обеспечение повышения научной и профессиональной квалификации преподавателей, направление на работу выпускников аспирантуры, обучение в целевой аспирантуре специалистов для подшефного вуза, направление на постоянную работу в подшефный вуз своих преподавателей, осуществление руководства подготовкой диссертаций преподавателями подшефного вуза, командирование ученых для чтения лекций, командирование ученых для консультирования и оказания практической помощи, принятие на кратковременную стажировку руководителей подшефного вуза и т.п. Один из первых договоров о шефской помощи и сотрудничестве в августе 1977 г. НГУ заключил с ОмГУ. Позднее, в 1980 г., такие договоры НГУ были заключены с АлтГУ, КемГУ, ТюмГУ и некоторыми отраслевыми институтами Сибири (ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 2239. Л. 2–4, 6–6 об.; 9–9 об., 12–12 об., 16–16 об.). В 1981 г. такой же договор о шефской помощи и сотрудничестве был заключен ТГУ с АлтГУ (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1–3).

Новосибирский государственный университет в 1970–1980-е гг. становится ведущим центром и базой подготовки кадров высшей квалификации для университетов Сибири и Дальнего Востока. В аспирантуре НГУ на 1 января 1974 г. обучалось 206 человек, из них 169 очно и 37 заочно (ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 1554. Л. 65). Из 73 человек 50 были зачислены в НГУ целевым назначением для таких вузов, как КемГУ, АлтГУ, ТюмГУ, Хабаровский, Дальневосточный и Алтайский политехнические институты и т.д. На стажировку было принято 19 человек; все они направлялись целевым назначением из вузов Сибири (Там же. Л. 66–67).

В молодых университетах остро стояла проблема с открытием советов по кандидатским и докторским диссертациям. Так, ОмГУ в 1976 г. безуспешно ходатайствовал перед ВАК об открытии советов по четырем специальностям (ИАОО. Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 3. Л. 40). В конце 1970-х гг., по соглашению между ОмГУ и НГУ, за счет мест НГУ ОмГУ получил право принимать аспирантов для нескольких докторов наук по разным научным специальностям. Эту форму затем расширили в ОмГУ, чтобы в дальнейшем, накопив опыт, открыть собственную аспирантуру (ИАОО. Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 9. Л. 103).

Специфика самой университетской научно-исследовательской работы в 1970–1980-е гг., которая тесным образом связывалась с учебным процессом, была призвана обеспечивать научные разработки по дисциплинам учебного плана подготовки специалистов. Четко стали артикулироваться кооперация и разделение труда (по тематикам) с другими сибирскими вузами и академическими учреждениями региона и центра. Распространенным становится участие университетов в работе по координационным программам МВ и ССО РСФСР, институтов системы АН СССР и СО АН СССР, в международных программах и проектах. Изменяется статус Томского, Новосибирского, Иркутского и Дальневосточного университетов, которые становятся опорными вузами в регионах, координирующими учреждениями научной работы вузов Сибири и Дальнего Востока по конкретным отраслям знания.

Важным исследовательским аспектом в вопросе выстраивания университетской внутренней периферии, становится вопрос о том, какие факторы на нее воздействовали, в том числе и географические, близость или отдаленность от научных центров уже самой внутренней периферии и т.п.

Высшее региональное партийное руководство поддерживало университеты не только на первоначальной стадии их открытия, но и на протяжении их дальнейшей работы. Первые лица региона подключались к решению принципиальных вопросов работы молодых университетов. Например, в 1981 г. первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. Ф. Аксенов в своем обращении к министру МВ и ССО СССР В. П. Елютину просил его рассмотреть вопрос об открытии аспирантуры в АлтГУ. В письме краевой руководитель обращал внимание министра на то, что «положительное решение вопроса об открытии приема в аспирантуру АлтГУ имеет первостепенное значение для развития перспективных научных направлений в университете <...> и успешного решения проблемы закрепления научно-педагогических кадров, и, в первую очередь, кандидатов и докторов наук» (ГААК. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1). В том же 1981 г. к В. П. Елютину обратился министр МВ и ССО РСФСР И. Ф. Образцов с письмом в поддержку открытия аспирантуры в Алтайском университете после очередного ходатайства к нему от руководства края и университета о ее открытии по девяти специальностям (Там же. Л. 2–3). После череды бюрократических проволочек аспирантура в АлтГУ начала свою работу с 1982 г. Это произошло спустя почти десятилетие после учреждения самого университета. Для сравнения: в ТюмГУ уже в первый год его работы была открыта аспирантура по ряду научных специальностей (ГАТюмО. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 879. Л. 35). Это было связано с тем, что АлтГУ находился ближе к университетам и научным институтам западносибирского научно-образовательного комплекса, и, по мнению центрального руководства, у него не было такой острой нужды в собственной аспирантуре, чем у ТюмГУ, находившегося в отдалении как от Урала, так и от западносибирских научно-образовательных институций.

Заключение

Рассматриваемый позднесоветский период – это годы исчерпания инерции советской модернизации. В научно-организационном плане это выразилось в достижении пределов экстенсивного расширения академических и вузовских структур, что означало окончательное складывание системы центр-периферийных отношений внутри советской науки (как в сугубо территориальном, так и в содержательном смысле).

Советская университетская система в позднесоветский период (1950–1980-е гг.) представляла собой разветвленную, широкую, но в то же время стройную и в определенной степени логически отстроенную сеть учреждений, отвечавших интересам и потребностям социально-экономического развития страны в целом и ее макрорегионов.

Эта сеть университетов представляла собой систему, основанную на особенностях государственного устройства СССР и союзных республик, а также принципов экономического районирования страны.

Если говорить о подходе к генеральной систематизации университетов, то иерархию их можно выстроить на основании значимости этих университетов и их места в научно-организационной иерархии СССР:

- университеты центра – первого уровня (общесоюзного значения) с еще дореволюционной историей: Московский и Ленинградский университеты в первую очередь;
- университеты центра – второго уровня («европейские» университеты также еще с досоветской историей): Киевский, Тартуский, Харьковский, Казанский, Одесский в первую очередь и более второстепенные – Пермский, Саратовский, Ростовский;
- периферийные университеты, которые делились:
  - на базовые, интегральные университеты союзных республик, имевшие во многом важное политическое значение в деле национально-государственного строительства в союзных республиках (университеты, расположенные в центрах союзных республик);
  - университеты макрорегионального значения (макрорегионы, включавшие в себя несколько смежных регионов, как правило, выстроенные на принципах экономического районирования): для настоящего исследования это ТГУ, ИГУ, НГУ, ДВГУ, УрГУ;
  - университеты регионального значения (составляли иерархию второго уровня внутри макрорегионов): для настоящего исследования это Якутский, Красноярский, Тюменский, Кемеровский, Алтайский, Омский университеты.

Такая уровневая иерархия стала возможной со значительным расширением сети университетов в СССР в годы послевоенного и завершающего рывка советской модернизации, особенно на периферии. Этот количественный и качественный рост университетской сети получил название «университетизация».

Наиболее показательным в этом отношении является особый макрорегион – азиатская часть РСФСР, которая включала в себя свои субрегионы с выделением более низких территориальных структур – сибирский субрегион (с выделением Западной и Восточной Сибири) и дальневосточный субрегион (с выделением Северо-Восточного региона, Забайкальского и т.д.).

В азиатской части РСФСР расширение университетской сети в 1960–1970-е гг. привело к формированию центр-периферийных отношений и выстраиванию трехуровневой иерархии университетов.

На вершине внутренней иерархии находился Новосибирский государственный университет, созданный целенаправленно как научно-образовательный форпост азиатской части страны, изначально задумывавшийся как исследовательский университет, ориентированный на удовлетворение в кадрах не только Академии наук СССР (Сибирского и Дальневосточное отделения АН СССР), но и других университетов, в том числе и среднеазиатских. Координация научных исследований (через работу специализированных советов), подготовка кадров высшей квалификации для университетов и иная деятельность стали для него определяющими, он стал связующим звеном всех университетов азиатской части РСФСР.

Второй уровень представляли собой университеты с еще досоветской традицией: Томский, Иркутский, Дальневосточный, условно сюда же можно отнести Свердловский и Перм-

ский (последние относятся в той связи, что для сибирского Зауралья они стали ведущими). Эти университеты были центром экономических районов (западносибирского, восточносибирского, дальневосточного, уральского). Подготовка высокопрофессиональных кадров для нужд промышленности и производства, проведение научных исследований, подготовка кадров и координация научных исследований для региональных университетов были их главными задачами. При этом университеты второго уровня постоянно стремились оспаривать лидерство и приоритет у Новосибирского университета. Традиционные центры «окормляли» постепенно расширяющуюся внутреннюю вузовскую периферию. Расширение это намечалось в направлениях, связанных с социально-экономической модернизацией регионов.

На третьем – локально-региональном – уровне находились университеты регионов (национальные и территориальные субъекты РСФСР).

К концу рассматриваемого периода центр-периферийные отношения в университетской науке Сибири и Дальнего Востока развивались эволюционно, воспроизводя дихотомию центра и внутренней периферии. При этом идущие с ними рука об руку процессы социально-экономической модернизации регионов имели своим логическим завершением формирование в ряде научно-образовательных центров (Новосибирск, Томск, Иркутск, Свердловск, Владивосток) мощных научных школ и перспективных исследовательских направлений, впоследствии достаточно успешно вписавшихся в постсоветский научный и культурный ландшафт.

«Азиатское научное пространство» в конце этого периода не претерпело существенных изменений в своей структуре, но несколько изменился характер уже сложившихся ранее связей. Наметившаяся децентрализация в управлении наукой обернулась ее регионализацией, проявившейся уже в постсоветский период. Это создавало объективные условия для выхода местного научного сообщества на новые исследовательские рубежи, поиска новых форм организации работ и научной кооперации. С другой стороны, все это несколько ослабляло центр-периферийные связи, приводя к атомизации научных коллективов, что, впрочем, в дальнейшем зачастую способствовало складыванию новых научных школ и направлений, связанных в том числе и с сугубо специфичной проблематикой регионов азиатской части РСФСР.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века», <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>.

Список источников

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1–3; Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1–3.

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 1554. Л. 65–67; Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 2239. Л. 2–4, 6–6 об., 9–9 об., 12–12 об., 16–16 об.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4570. Л. 4.

Государственный архив Тюменской области (ГАТюМО). Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 879. Л. 1–10, 35; Ф. Р-2124. Оп. 1. Д. 389. Л. 22–23.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 1. Л. 33; Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 3. Л. 40; Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 5. Л. 79; Ф. П-9277. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 37. Д. 32. Л. 30–32.

Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 115. Оп. 10. Д. 24. Л. 19–20; Ф. 115. Оп. 10. Д. 518. Л. 27; Ф. 607. Оп. 1. Д. 4709. Л. 28–31.

Минжуренко А.В. Командировка во власть: воспоминания, 1989–2000 гг. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. 452 с.

О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях: Постановление Совета Министров СССР от 12 апреля 1956 г. № 456 // Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / под ред. Л.И. Карпова, В.А. Северцева. М., 1957. С. 215–218.

Об организации Новосибирского государственного университета: Постановление Совета Министров СССР от 9 января 1958 г. № 31 // Собрание постановлений правительства СССР. 1958. № 2. С. 41.

Библиографический список

- Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 54–60.
- Водичев Е.Г., Узбекова Ю.И. «Центр» и «периферия» в развитии отечественной науки второй половины XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 3. С. 11–19.
- История Урала: в 2 т. / отв. ред. Ф.С. Горовой. Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1963–1965.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Л.: Наука, 1968–1969.
- История рабочего класса Сибири: в 5 т. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982–1986.
- История крестьянства Сибири: в 5 т. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982–1991.
- Лисс Л.Ф. Мои университеты. Новосибирск: Параллель, 2013. 442 с.
- Петрик В.В. Становление и развитие главных организационных форм вузовской науки в конце 1950-х – начале 1990-х гг. (на примере высшей школы Сибири) // *Известия Том. политехн. ун-та*. 2006а. Т. 309, № 1. С. 234–241.
- Петрик В.В. Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х годов XX века. Томск: Том. гос. ун-т, 2006b. 648 с.
- Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // *Россия реформирующаяся: ежегодник – 2011* / отв. ред. акад. РАН М.К. Горшков. М.; СПб., 2011. Вып. 10. С. 110–126.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина. М., 2011. С. 236–239.
- Суздаева Т.Р. Модернизация в понимании ученых // *Модернизация как условие развития современной России: статьи и доклады XI Междунар. науч.-практ. конф.*, Москва, 27 мая 2011 г. М., 2011. С. 42–46.
- Суздаева Т.Р., Федоров К.В. «Догоняющая» модель модернизации: теоретические и историографические аспекты [Электронный ресурс] // *Гуманитарный вестник*. 2013. Вып. 5. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/67.html> (дата обращения: 08.04.2024).
- Узбекова Ю.И. «Центр» и «периферия» в развитии академической науки в восточных регионах страны в XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 195 с.
- Узбекова Ю.И. Трансграничные регионы азиатской России в парадигме центр-периферийных отношений // *Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды* / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М., 2017. С. 283–290.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.05.2024

HIERARCHY OF UNIVERSITIES OF THE “INTERNAL” PERIPHERY DURING THE LATE SOVIET PERIOD: THE EXAMPLE OF THE ASIAN PART OF THE RSFSR

D. V. Khaminov

National Research Tomsk State University, Lenin av., 36, 634050, Tomsk, Russia

Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics, Lenin av., 40, 634050, Tomsk, Russia

Khaminov@mail.ru

SPIN: 5436-1090

The building of the hierarchical structure of the Soviet university system was influenced by various factors, particularly during the late Soviet period (from the 1950s to the 1980s), when the final round of Soviet modernization in the economy, social structure, and culture occurred. Factors, such as the multi-structure of the Soviet economic system, uneven socio-economic development of regions (leading to the formation of distinct economic regions and an internal periphery), the complex administrative-territorial structure due to the vast and diverse territory (a union state that included another complex structure – RSFSR), and the colonial nature of the development of the Asian periphery, all contributed to the development of this hierarchical structure. In this regard, it would be representative to consider the example of the Asian part of the RSFSR, including the sub-regions of the Trans-Urals, Siberia and the Far East, to analyze the processes of building a heterogeneous university system and the features of the university hierarchy on the “inner” periphery of the Soviet university system. This helps un-

derstand how research was planned, organized and implemented, as well as how scientific personnel were trained at universities on the “internal” periphery. The author focuses on the agency of various actors, their interactions, and mutual influence, which gives an understanding of how the scientific and communication system between the “old” (leading) and “new” universities was built, highlighting the gaps and continuities in this hierarchical system. Based on the results of the study, a three-level hierarchy of Soviet universities was identified, as well as the structure of the internal periphery of the Asian part of the country during the late Soviet period. The author analyzes the system of relationships between universities and identifies both positive and negative factors that affected the development of scientific and organizational ties between these institutions.

Key words: university, center-periphery relations, internal periphery, scientific communication, Asian part of the RSFSR, Trans-Urals, Siberia, Far East.

Acknowledgments

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 23-18-00048, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>.

References

- Auzan, A.A., (2007), “«The track» of Russian modernization”, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, № 6, pp. 54–60.
- Gorovoy, F.S. (ed.) (1963–1965) *Istoriya Urala* [History of the Urals]: in 2 vol., Perm. knizhn. izd-vo, Perm, USSR.
- Istoriya krest'yanstva Sibiri* (1982–1991) [History of the peasantry of Siberia]: in 5 vol., Nauka, Sibirskoe otделение, Novosibirsk, USSR.
- Istoriya rabochego klassa Sibiri* (1982–1986) [History of the working class of Siberia]: in 5 vol., Izd-vo «Nauka», Sibirskoe otделение, Novosibirsk, USSR.
- Lapin, N.I. (ed.) (2011), *Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [Overview report on modernization in the world and China (2001–2010)], Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 236–239.
- Liss, L.F., (2013), *Moi universitety* [My universities], Parallel', Novosibirsk, Russia, 442 p.
- Okladnikov, A.P. & V.I. Shunkov (eds.) (1968–1969) *Istoriya Sibiri s drevneyshih vremen do nashih dney* [History of Siberia from ancient times to the present day]: in 5 vol., Nauka, Leningrad, USSR.
- Petrik, V.V. (2006a), “Formation and development of the main organizational forms of university science in the late 1950s and early 1990s (using the example of a higher school in Siberia)”, *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 309, № 1, pp. 234–241.
- Petrik, V.V. (2006b), *Vysshaya shkola Sibiri v kontse 50-h – nachale 90-h godov XX veka* [Higher school of Siberia in the late 50s – early 90s of the 20th century], Tom. gos. un-t, Tomsk, Russia, 648 p.
- Suzdaleva, T.R. (2011), “Modernization as understood by scientists”, in *Modernizatsiya kak uslovie razvitiya sovremennoy Rossii* [Modernization as a condition for the development of modern Russia], Moskovskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki, statistiki i informatiki, Moscow, Russia, pp. 42–46.
- Tihonova, N.E. (2011), “Social modernization and prospects for cultural dynamics in Russia”, in Gorshkov, M.K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik–2011* [Reforming Russia: Yearbook 2011], Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskii tsentr RAN, Moscow; St. Petersburg, Russia, vol. 10, pp. 110–126.
- Uzbekova, Yu. I., (2009), «Tsentr» i «periferiya» v razvitiy akademicheskoy nauki v vostochnykh regionah strany v XX v. [“Center” and “periphery” in the development of academic science in the eastern regions of the country in the 20th century], PhD thesis, Tomsk State University, Tomsk, Russia, 195 p.
- Uzbekova, Yu.I. (2017), “Cross-border regions of Asian Russia in the paradigm of center-peripheral relations”, in Streletskiy, V.N. (ed.), *Mnogovektornost' v razvitiy regionov Rossii: resursy, strategii i novye trendy* [Multi-vector development in Russian regions: resources, strategies and new trends], IP Matushkina I.I., Moscow, Russia, pp. 283–290.
- Vodichev, E.G. & Yu.I. Uzbekova (2008), “«Center» and «periphery» in the development of domestic science in the second half of the 20th century”, *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, № 3, pp. 11–19.